

Вячеслав МАРТЫНОВ

ФОРМИРОВАНИЕ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОВЕДЕНИЯ ОФИЦЕРОВ В ПРОЦЕССЕ ПОВСЕДНЕВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЙСК ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

В статье раскрываются основные направления и особенности формирования дисциплинарного поведения офицеров русской армии во второй половине XIX – начале XX в. Значительное место в работе отводится анализу внешних и внутренних факторов, которые негативно влияли на дисциплинированность офицеров.

The article describes the main trends and features of the formation of disciplinary behavior of officers of the Russian army during the second half of 19th – early 20th century. A significant part of the work is assigned to the analysis of internal and external factors which negatively influenced on the discipline of officers.

Ключевые слова:

дисциплинарное поведение, офицеры, русская армия, начальники и подчиненные; disciplinary behavior, officers, Russian army, commanders and subordinates.

Поддержание воинской дисциплины среди офицеров пореформенной России представляло собой сложный, противоречивый, закономерный и многофакторный процесс. Во второй половине XIX в. этот процесс определялся тенденциями либерализации общественного развития, которые в качестве основных методов дисциплинирования офицеров выдвигали, во-первых, формирование сознательной воинской дисциплины, а во-вторых, метод принуждения, основанный на страхе перед «известным законом».

Вся идеологическая машина государства, военное законодательство, традиции, окружающая обстановка способствовали формированию высоконравственного, дисциплинированного офицера. Воспитанные в понятиях рыцарской чести, офицеры как зеницу ока берегли честь мундира, честь полка, свою личную честь. Офицерство воспитывалось и воспитывало армию и флот в сознании, что войско является не только защитником Отечества от врагов внешних, но опорой царского строя от врагов внутренних. Блустителем офицерской чести в каждом полку являлся суд чести.

Важнейшим направлением формирования сознательной дисциплинированности офицера являлась деятельность Русской православной церкви. В армии сложилась стройная система военного духовенства – в штабе армии существовали главные священники (протоиереи, приравняемые в правах к полковнику), в каждом полку – полковой священник (по статусу приравнивался к капитану), штатный диакон и псаломщик.

С 1890 г. издавался специальный журнал «Вестник военного духовенства» – печатный орган Духовного управления при протопресвитере военного и морского духовенства. В журнале публиковались не только распоряжения для военных и морских священников, но и материалы пастырского и проповеднического направления. Периодически журнал публиковал списки книг, рекомендованных для церковно-полковых библиотек.

Влияние Русской православной церкви на офицеров было значительным. Традиционно большая часть офицерского корпуса придерживалась православия. Священники пользовались весьма высоким авторитетом в офицерской среде. Несмотря на то, что их главной задачей в ходе боевых действий являлось духовное окорм-

МАРТЫНОВ
Вячеслав
Федорович –
к.ю.н., доцент
Государственного
инженерного
экономического
университета,
г. Санкт-Петербург
garavi@mail.ru

ление воинов, забота о раненых, отпевание погибших, история полна примеров воинского мужества и героизма священников.

Однако существуют и свидетельства того, что и в деятельности военного духовенства имели место серьезные недостатки и упущения. Так, в силу государственного характера православной религии Закон Божий был обязательной для изучения учебной дисциплиной, и зачастую «хождение в церковь для громадного большинства представлялось одной из скучных служебных обязанностей»¹.

Важное место в вопросе охранения воинской дисциплины среди офицеров уделялось применению дисциплинарной власти непосредственными и вышестоящими командирами (начальниками). В соответствии с законодательством офицеры могли подвергаться как уголовно-исправительным наказаниям по суду, так и дисциплинарным взысканиям по Уставу дисциплинарному. К таковым относились: 1) замечания и выговоры, объявляемые словесно или в предписании; 2) замечания и выговоры, объявляемые при собрании офицеров; 3) замечания и выговоры, объявляемые в приказе; 4) домашний арест или арест с содержанием на гауптвахте на время до одного месяца; 5) неудостоение офицеров и гражданских чиновников к производству на вакансии или за выслугу лет впредь до одобрительного засвидетельствования начальства; 6) удаление от должности или командования частью². В. Биркин, вспоминая об офицерской службе в первом десятилетии XX в., писал: «Никем и ни в каком обществе нельзя было управлять так легко, как офицерами; помимо дисциплинарного увольнения со службы было еще и исключение из полка по суду общества офицеров, суду чести. И известно, как боялись этого офицеры. На этом то и можно было играть и обработать любого ерша, как угодно»³.

Источники и литература, в том числе мемуарная, дают достаточно много примеров грамотных, творческих действий начальников по охранению воинской дисциплины среди офицеров.

Данные официальной статистики сви-

детельствуют о достаточно высокой дисциплинированности офицеров в исследуемый период. Число офицеров, отдаваемых под суд, было незначительным, особенно если взять соотношение числа судимых офицеров и их общей численности за соответствующие годы. Так, в 1825–1850 гг. 1 преданный суду приходился в среднем на 213 офицеров⁴. В 1881–1885 гг. – на 222 офицера, в 1886–1890 гг. – на 326 и в 1891–1894 гг. – на 411 офицеров⁵. Как явствует из этих данных, на протяжении десятилетий число офицеров, подвергнутых серьезным наказаниям (связанным с лишением свободы, ссылкой), оставалось очень небольшим и обычно не превышало 2–3 десятков случаев в год. Даже краткосрочные аресты с содержанием на гауптвахте или в арестантских отделениях исчислялись несколькими десятками случаев.

Сущностные основы воинской дисциплины разрушало влияние общества на офицерский корпус. Основными источниками «брожения» в армии в 60-х гг. XIX в. были: крестьянские волнения, Польский мятеж, Герцен с его «Колоколом», Чернышевский. А. Герцен, в частности, писал: «...вьюноши — офицеры... страдальцы кадетских корпусов, которых узкое, тупое, нечеловеческое воспитание домучило до понимания свободы, — не оставляйте военной службы, как бы она ни была тяжела, — терпите и идите в войска создавать силу, которая несокрушимо станет за землю и волю народную»⁶. Эти и подобные псевдодемократические, «пронародные» призывы находили своих приверженцев и исподволь подтачивали идейно-нравственные основания воинской дисциплины офицерского корпуса в целом.

Во второй половине XIX — начале XX в. имела место тенденция к снижению престижности офицерской службы. Сказывалось недостаточное материально-бытовое и финансовое обеспечение офицерского корпуса. Так, подпоручик российской армии на рубеже XIX–XX вв. получал всего 600 руб. в год, т.е. значительно меньше зарплаты квалифицированного рабочего (3 руб. в день). Командир роты получал 1 200, а командир батальона

¹ См.: Офицерская памятка. — СПб.: Изд-во Березовского, 1892, с. 14.

² См.: Устав дисциплинарный. — СПб., 1912.

³ Биркин В. Молодые офицеры. — Берлин, 1929, с. 32–33.

⁴ См.: Столетие военного министерства: 1802–1902 гг. В 13 т. — СПб., 1914, т. 2, с. 433–449.

⁵ См.: Военно-статистический сборник. — СПб., 1910, вып. IV, отд. II, с. 168.

⁶ См.: Колокол, 1863, № 162, с. 23.

– 1 740 руб. в год¹. Бедственное финансовое положение среднего офицерского состава оказывало негативное влияние на нравственный климат в офицерской среде, на отношение офицеров к службе, обучение и воспитание подчиненных, уровень боевой готовности войск, состояние воинской дисциплины.

Пополнение офицерских кадров с середины XIX в. проходило преимущественно за счет менее обеспеченных слоев общества. А. Самойло вспоминал: «...в пехоте подавляющее большинство офицеров происходило из малозажиточных офицерских семей. ...ступенькой ниже их стояла группа офицеров, вышедших из подпрапорщиков... в кавалерию шли дети более зажиточных родителей»².

Кульг чистогана, материального благополучия любой ценой затронул и часть офицерства. Известный военный мыслитель Н. Бутовский писал: «Нам нужен офицер, обожающий свой мундир, свой быт, все особенности военной службы с ее лишениями и опасностями, – офицер, которого ни за какое жалование нельзя было бы сманить ни в акциз, ни на железную дорогу, чтобы все это казалось скучным, неприветливым, совершенно чуждым его сердцу»³. Призыв известного педагога не мог быть реализован, был красивой утопией.

Негативное влияние общественно-политической ситуации в стране, отчуждение общества от армии, низкое материальное положение офицеров вызывали отток части офицеров из войск и отсутствие желания штатской молодежи служить Отечеству в качестве армейского офицера. Это приводило к постоянному некомплекту офицеров. Так, в 1897 г. из армии ушло 3 700 офицеров, поступило на службу – 3 415, т.е. на 7,71 % меньше! Особенно это сказывалось на строевых частях, где, собственно, и формировалась мощь армии. Происходил массовый уход из армии молодых офицеров, не видевших никаких перспектив своей службы. Подсчеты, проведенные А. Геруа, показали, что только в кавалерийских

частях за период 1896–1906 гг. прибыли на службу 2 526 выпускников училищ, а ушли – 1 169 (43,5%)⁴, причем основная масса покинула именно строевые части.

Тема пагубного влияния алкоголя на офицерский авторитет поднималась в военной печати России с 80-х гг. XIX в. достаточно часто. Отношение к злоупотреблению спиртным в офицерской среде было весьма противоречивым, двойственным. С одной стороны, осуждение нарушений дисциплины, инициированных пьянством, было вроде бы однозначным, с другой – пьяное «гусарство» офицерским обществом фактически поощрялось. Тому масса свидетельств, в частности в мемуарных источниках. То, что «пьяная традиция» в русской армии имела мощные корни, особо не скрывалось, тому есть множество различных подтверждений. «Помню, как в дни строевых цензов или посещения полков начальством трудно было “соблюсти себя” и встать целым из-за стола!»⁵ – свидетельствует генерал П. Залесский.

Но уже ближе к концу XIX в. понимание пагубности алкоголя, и не только для здоровья, овладевает офицерами. Так, офицер Ю. Лоссовский публикует статью «Меры к ограничению злоупотребления спиртными напитками в войсках», где указывает, что злоупотребление спиртным некоторыми офицерами ослабляет нравственное воздействие на нижних чинов. Выводы Ю. Лоссовского подтверждают исследования доктора Н.О. Тюмянцева, анализировавшего влияние военной службы на распространение курения и употребление спиртных напитков среди населения. Исследования, проведенные врачами в 70-х гг. XIX в., показывали, что в процентном отношении заболеваемость, связанная с употреблением спиртного, была выше среди офицеров. Причины назывались вполне очевидные – более высокая возможность употреблять спиртное.

Еще один из признаков неблагополучия в офицерском корпусе – проблема взаимного приветствия. Сам факт широкого обсуждения этого вопроса (в т.ч. и в массе публикаций в печати) – свидетельство неблагополучия в офицерском корпусе, очередной симптом болезни. Генерал Брусилов считал взаимное воинское при-

¹ См.: Смирнов А.А. Морально-психологическое обеспечение деятельности российской армии во второй половине XIX – начале XX века : дис. ... к.и.н. – М., 1997, с. 35.

² Самойло А.А. Две жизни. – М., 1956, с. 46–47.

³ Бутовский Н.Д. Очерки современного офицерского быта. – СПб., 1899, с. 27.

⁴ См.: Геруа А. К познанию армии. – СПб., 1907, с. 37.

⁵ Залесский П.И. Причины русской катастрофы. – Берлин, 1925, с. 23.

ветствие «и правом, и обязанностью офицера» любых чинов (хотя, как продукт своего времени, он все-таки больше говорил об отдавании чести нижними чинами), и что офицер должен четко отвечать на приветствие, не допускать небрежности, вроде руки в кармане и т.п. Несмотря на то, что отдавание воинской чести официально пропагандировалось в том смысле, что этот ритуал — символ единения армии, фактически достаточно массово это понималось лишь как признание своей подчиненности лицу, которому отдают приветствие. То есть, в офицерской среде, по мнению автора статьи, существовал весьма односторонний взгляд на требования воинской дисциплины — обязательность выполнения всяческих норм касалась нижестоящих по служебной иерархии, и чем выше по служебной лестнице стоял офицер, тем большие послабления в этом вопросе оправдывались на практике. Точнее, на них смотрели, как на нечто нормальное.

Наличие офицеров, тяготившихся выполнением правил, символизирующих «уважение к воинскому званию вообще», ищущих аргументы, чтобы уклониться от выполнения одной из воинских обязанностей, на наш взгляд, — это одно из глубинных свидетельств серьезного недуга армии.

Многими отмечалось также значительное негативное влияние фактического неравенства в продвижении по службе офицеров на состоянии воинской дисциплины и морально-психологическое самочувствие командного состава. Ситуация с «ненормальным в высшей степени порядком» аттестации и продвижения по службе офицеров различных категорий (штабов, управлений ВУЗ и строевых), несмотря на попытки ее решения, не менялась к лучшему. Указывалось, что строевые офицеры, несмотря на более сложный характер службы и лишения и то, что именно они реализуют «главный, чрезвычайно напряженный и ответственный труд по боевой подготовке личного состава рядовой массы армии», не имели ни шансов на продвижение, ни адекватных компенсаций. «Вот причина бегства из строя, и чем дальше, тем бегство... будет усиливаться»¹, — справедливо полагали аналитики.

Существовал ряд причин, препятствующих служебному росту молодых офи-

церов (особенно строевых). Во-первых, в исследуемый период у офицеров фактически не существовал предельный возраст нахождения на службе, а в силу небольшой пенсии ротные и батальонные командиры тянули ляжку до последнего. Поэтому, например, пятидесятилетний командир батальона не был редкостью в русской армии. Во-вторых, даже аттестованный как «выдающийся» или «хороший» далеко не обязательно получал назначение. К тому же порядок аттестации не давал преимуществ строевому офицеру. Да и возможность получения «минусов» при наличии подчиненного личного состава, хозяйства у строевого офицера по сравнению, например, со штабным была несравненно выше.

Весьма часто встречались факты субъективизма, протекционизма и кумовства в ходе аттестации офицеров. Один из авторов пишет: «...все строится на аттестации ближайшего к аттестуемому офицеру начальника. Хорошие отношения между ними — и аттестация хорошая, а нет, то и аттестация плохая»². Да и порядок продвижения по службе вообще вызывал серьезные нарекания у передовых офицеров. Существовали перекосы в перспективах роста различных групп офицеров: гвардии, строевых, офицеров Генерального штаба, офицеров-воспитателей системы ГУ ВУЗ, офицеров управлений и штабов. Несправедливость сложившейся системы снижала настрой офицеров, подрывала веру в справедливость, что способствовало подрыву глубинных основ дисциплины офицерского корпуса.

Таким образом, укрепление воинской дисциплины в ходе повседневной службы офицеров русской армии представляло собой планомерный, целенаправленный процесс, ориентированный на привитие профессионально значимых качеств воина-патриота, защитника государственных интересов. Вместе с тем государство и высшее командование не создало должных условий для обеспечения крепкой дисциплины среди офицерского состава. Пагубное влияние внешних факторов (социально-политических, экономических), а также внутренние «болезни» военного организма подрывали глубинные основы воинской дисциплины среди офицеров.

¹ Преимущества строевых артиллеристов // Русский инвалид, 06.12.1909.

² Бодрость духа // Офицерский журнал, 1910, № 233, с. 1982.